БЛИЗНЕЦЫ

ВПОЛНЕ РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

НИКА ФОКС

Ника Фокс

Близнецы. Вполне реальная история

«Автор»
2026

Фокс Н.

Близнецы. Вполне реальная история / Н. Фокс — «Автор», 2026

В один зимний день в свердловском роддоме появились на свет два мальчика-близнеца. Но по чужой воле им было суждено расти в разных семьях, даже не подозревая о существовании друг друга.Прошли годы. У каждого сложилась своя жизнь, появились любимые женщины, семьи, дети. Казалось бы, что может связывать двух совершенно незнакомых мужчин?Но у судьбы свои планы. И однажды случайная встреча заставит раскрыться тайну, которую хранили десятилетиями.История о любви, семье, чужих ошибках и удивительных поворотах судьбы.

© Фокс Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Рождение 6
Глава 2. Первая встреча 10
Глава 3. Давай уедем! 13
Глава 4. А если? 16
Глава 5. Может быть… 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Близнецы. Вполне реальная история

Глава 1. Рождение

Урал. Свердловск. Зима. Январь

Зима заботливо укрыла город белым одеялом, да, видимо, перестаралась: снег шёл уже вторые сутки и прекращаться не собирался. Снегоуборочные машины работали в три смены, но стоило расчистить одну улицу, как её снова заметало. В переулках машины вязли в рыхлом снегу, а пешеходы пробирались по узким тропинкам, протоптанным вдоль заборов. Казалось, город целиком погрузился в непрерывный тихий снегопад, и лишь роддом на Волгоградской жил по своему особому расписанию, которому не было никакого дела до погоды.

На этой неделе роддом был дежурным, а значит, сюда везли всех подряд: женщин, которых схватки застали дома, снятых с поезда рожениц, тех, кто не успел вовремя встать на учёт, и тех, с кем судьба обошлась особенно неласково. В коридорах пахло лекарствами, мокрыми валенками и свежевыстиранным бельём. За окнами ветер раскачивал заиндевевшие ветви деревьев, будто они пытались заглянуть внутрь и разобраться, почему здесь столько тревоги и слёз.

В предродовой палате у окна стояла худенькая светловолосая женщина. Большой живот мешал ей ходить, ссадину на лбу прикрывал пластырь, а распухшие от слёз глаза выдавали недавнее горе. Анастасию Сотникову доставили сюда с места автомобильной аварии. Схватки начались ещё у свекрови, в пригородном посёлке, куда они с мужем приехали на выходные. Сергей решил, что по такой погоде сумеет довезти жену до роддома быстрее, чем они разыщут телефон на почте, дозвонятся до скорой и дождутся машины.

Сергей давно мечтал о собственном автомобиле и недавно наконец купил подержанный «Жигулёнок». Поехал к матери похвастаться покупкой, а заодно уговорил Настю прокатиться. Ей совсем не хотелось ехать: свекровь невзлюбила невестку с первого знакомства. Разве могла, по её представлениям, хорошая жена появиться из детского дома? Кто знает, какая у неё родня и что в семье творилось? Ни аккуратная квартира, ни вкусные пироги, ни забота о сыне не помогали Насте заслужить одобрение. Она старалась лишний раз не спорить, а Сергей только отмахивался: мол, мать поворчит и перестанет, главное, что они сами счастливы.

Когда начались схватки, Сергей усадил жену на заднее сиденье и поспешил в город. На одном из перекрёстков в их машину врезался «Москвич». Удар пришёлся со стороны водителя. Сергея спасти не удалось, а Настю, напуганную и почти не понимавшую происходящего, отвезли в ближайший роддом. Сначала она всё спрашивала, где муж и почему он не идёт к ней. Потом поняла ответ по тому, как отводили глаза люди в белых халатах, и больше не спрашивала. Только прижимала ладони к животу, словно пыталась защитить малыша от всего, что уже случилось.

***

Акушерка заглянула в предродовую и окинула Настю быстрым внимательным взглядом.

— Ложитесь-ка, мамочка. Сейчас сердцебиение послушаем. А вы пока промежутки между схватками засеките, хорошо?

Она вернулась с деревянной акушерской трубочкой, приложила её к животу и долго прислушивалась, время от времени меняя положение. Настя смотрела на склонённую голову женщины и боялась задать вопрос. Ей казалось, что после всего пережитого непременно должно случиться ещё что-нибудь плохое. Акушерка нахмурилась, позвала врача и снова прислушалась.

— Родственники у вас есть? — спросила она наконец.

— Я детдомовская. У мужа мать есть, но… — Настя запнулась и отвернулась к стене.

— Понятно, — сокрушённо покачала головой акушерка. — А между схватками сколько?

— Пять минут, кажется, — ответила Настя, с трудом переводя дыхание.

— Ну что ж, мамочка, пойдёмте. Будем помогать вашему малышу появиться на свет.

Но вскоре стало ясно, что обычными родами дело не обойдётся. После аварии возникли осложнения, и врачи приняли решение о срочном кесаревом сечении. Настя услышала об операции, попыталась что-то спросить, но новый приступ боли не дал ей закончить фразу. Последним, что она запомнила, был свет ламп над операционным столом и собственная отчаянная мысль: только бы ребёнок остался жив.

***

В соседней послеродовой палате плакала другая женщина. Полноватая шатенка лежала лицом к стене, уткнувшись в подушку, и не хотела ни с кем разговаривать. У Татьяны Матвеевой роды начались преждевременно, ребёнок появился на свет мёртвым, а после тяжёлой операции врачи сообщили, что больше она родить не сможет. Татьяна не сразу поняла смысл этих слов. Они с мужем так ждали малыша, столько лет мечтали о нём, выбирали имя, покупали крошечные распашонки. Теперь все приготовленные вещи останутся лежать в шкафу, и некому будет доставать их оттуда.

Нянечка принесла бинты, помогла Татьяне с послеродовыми процедурами и попыталась утешить:

— Ну, будет вам, голубушка. Всё ещё наладится, увидите.

Татьяна промолчала. Что именно могло наладиться, она не представляла. За окном снег медленно залеплял стекло, а её собственная жизнь словно остановилась на том месте, где должен был прозвучать первый крик ребёнка.

***

Через несколько часов в ординаторской разгорелся спор. Врач оформляла истории родов, когда вошла акушерка, присутствовавшая на операции Анастасии, и остановилась у стола.

— Послушайте, ведь у Сотниковой двойня, — начала она. — Два здоровых мальчика. А муж у неё погиб, родни нет. Как она одна справится?

— Будет растить, как тысячи других женщин, — ответила врач, не поднимая головы от бумаг. — Мы-то здесь при чём?

— А у Матвеевой ребёнок умер. И матку пришлось удалить. Она ведь теперь никогда матерью не станет. Вот я и подумала…

— О чём вы подумали? — врач отложила ручку.

— Одного мальчика можно было бы передать Матвеевой. Ей сказать, что ребёнок нашёлся, а Сотниковой — что родился один. Она после наркоза ничего не помнит.

— Вы понимаете, что предлагаете? Это преступление, — резко ответила врач. — Детей нельзя делить по нашему усмотрению.

— А разве справедливо, что одной двое, а другой никого? — не отступала акушерка. — Да и Сотниковой станет легче. Она ведь даже не знает, что детей было двое.

Врач посмотрела на лежащие перед ней документы и почувствовала, как неприятно похолодели ладони. В этой истории было слишком много того, что ни при каких обстоятельствах нельзя было делать. И всё же слова акушерки попадали точно в ту слабость, которую люди иногда ошибочно принимают за милосердие: желание решить чужую судьбу, не спрашивая самих людей.

— Никто не должен об этом узнать, — тихо сказала акушерка. — В картах будет по одному мальчику. И больше никаких разговоров.

Она вышла, оставив врача одну. Та ещё долго сидела, не притрагиваясь к ручке. Потом всё же придвинула к себе истории родов. Из этой минуты выросло решение, за которое много лет спустя придётся расплачиваться совсем другим людям.

***

Татьяна лежала у окна, разглядывая тёмное небо, на котором из-за снежных туч не было видно ни одной звезды. Когда дверь осторожно открылась, она даже не повернула головы.

— Татьяна, скажите, вы успели сообщить семье, что ребёнка не стало? — спросила вошедшая акушерка.

— Нет, — глухо отозвалась женщина. — Я не могу. Как я Олегу скажу? Он ведь так ждёт…

— Тогда послушайте меня внимательно. Сегодня здесь родился мальчик, которого мать якобы не собирается забирать. Можно всё устроить так, что он станет вашим сыном. Только об этом разговоре никому ни слова.

Татьяна резко повернулась. Сначала ей показалось, что она ослышалась, потом — что над ней жестоко шутят. Но акушерка смотрела серьёзно и говорила уверенно, как человек, который уже всё решил.

— Вы хотите сказать, я смогу забрать ребёнка? Прямо сейчас?

— Если согласитесь, принесём на кормление. А документы оформим как следует. Вы ведь никому ничего не говорили?

— Не говорила, — прошептала Татьяна. — Господи, да неужели такое возможно?

Она не задала вопроса, который следовало задать прежде всех остальных: почему ребёнок, от которого будто бы отказались, может вот так, без положенных формальностей, оказаться у чужой женщины? В тот момент Татьяна слышала только одно — ей снова предлагают стать матерью. Она кивнула, потом ещё раз и, не в силах сдержаться, заплакала уже совсем другими слезами.

***

Настя пришла в себя после операции разбитой и обессиленной. Она целые сутки ждала, когда ей принесут сына, прислушивалась к плачу из детского отделения и гадала, какой из младенцев её. Стоило закрыть глаза, как снова вспоминалась авария. Сергей, склонившийся над рулём, чужие голоса, холодный снег, въевшийся в одежду. Она гнала воспоминания прочь и старалась думать только о ребёнке, потому что теперь он был единственным человеком, ради которого ей необходимо держаться.

Когда малыша наконец принесли, он спал, смешно вытянув губы. Настя прочитала фамилию на клеёнчатой бирке, потом сверила её с надписями, привязанными к ручке и ножке, осторожно распеленала сына и потрогала крошечные пальчики. Ещё недавно кто-то неведомый толкался у неё под сердцем, а теперь лежал рядом, живой, тёплый, такой похожий на Сергея, что у Насти защипало глаза.

— Здравствуй, мой хороший, — прошептала она. — Папа тебя так ждал…

В палату вошла детская медсестра и, увидев распелёнатого ребёнка, всплеснула руками:

— Мамочка, вы почему не кормите? И зачем распеленали?

— Посмотреть хотела. Он ведь спал…

— Насмотритесь ещё. Давайте-ка прикладывайте, иначе с кормлением намучаетесь.

Медсестра ловко поправила пелёнку и помогла устроить малыша удобнее. Тот завозился, открыл голубые глаза и требовательно заплакал. Настя впервые за долгие часы по-настоящему улыбнулась.

— Голубоглазик мой, — ласково проговорила она и прижала сына к груди.

***

Татьяна Матвеева тоже кормила маленького мальчика. Она прекрасно знала, что не рожала его, но стоило малышу захватить грудь и доверчиво прижаться к ней, как сердце отозвалось такой нежностью, что всё остальное на мгновение перестало существовать. От ребёнка пахло молоком, чистыми пелёнками и тем особенным младенческим теплом, которого она уже отчаялась когда-нибудь дождаться.

Татьяна провела пальцем по мягкой щеке, поцеловала мальчика в лоб и осторожно поправила край пелёнки. Счастье было слишком хрупким, чтобы она осмелилась спросить, кому

этот ребёнок принадлежал ещё вчера и почему его можно было отдать ей без единой подписи настоящей матери.

«Никому тебя не отдам, — подумала она, прижимая малыша ближе. — Ты мой сыночек. Теперь всегда будешь моим».

***

Через десять дней из роддома выписали двух мальчиков, родившихся в один день. Мать Алексея Сотникова повезла его домой на трамвае, держа свёрток обеими руками и тревожно прислушиваясь к каждому вздоху. Алексея Матвеева вместе с матерью забирал счастливый Олег, приехавший за ними на такси с цветами. Он боялся уронить малыша и не переставал улыбаться, хотя понятия не имел, какой тайной началась жизнь его сына.

Два мальчика получили одно имя и отправились в разные дома. Никто из взрослых тогда не задумался о том, что однажды им всё-таки придётся встретиться.

Глава 2. Первая встреча

Урал. Свердловск. Лето. Июнь

Настя отпросилась с работы на несколько часов, чтобы сводить сына в поликлинику на прививку. Когда прививали детсадовскую группу, Лёшка болел, и теперь приходилось догонять остальных. Вообще-то мальчик простужался часто, и заведующая уже не раз ворчала из-за постоянных больничных. Настя выслушивала замечания молча: спорить с начальством было бесполезно, а оставлять сына ей было не с кем. После гибели Сергея они жили вдвоём, без дедушек, бабушек и той привычной поддержки, на которую могли рассчитывать другие матери.

Три с половиной года они с сыном справлялись сами. Жизнь понемногу вошла в колею: работа, детский сад, магазин, стирка, бесконечные хлопоты. Настя научилась рассчитывать только на себя, даже перестала замечать, как часто устаёт. Но иногда, особенно по вечерам, когда Лёшка засыпал, ей до боли хотелось, чтобы кто-нибудь спросил, как прошёл день, помог донести тяжёлую сумку или просто посидел рядом. Она стыдилась таких мыслей и говорила себе, что сын вырастет, станет самостоятельным и тогда им обоим будет легче.

Жила Настя с сыном хоть и в центре города, но в старом деревянном доме дореволюционной постройки, без удобств. Дом был разделён на несколько маленьких квартирок. Кроме них, в доме обитало ещё несколько семей с детьми. Для детей здесь было настоящее раздолье — большой двор, заросший травой и кустарниками. А ещё во дворе росли клён, дикие яблони и тополь.

Детишки целыми днями носились по двору, играя в войнушку или строя из подручных материалов домики. Печное отопление давало пытливым детским умам уйму такого материала. Летом во двор приезжали грузовые машины и вываливали возле сараев целые кучи брёвен. Тут же стояли «козлы», на которых эти брёвна потом распиливались. А остатки ручной дровозаготовки шли на строительство «штабов» и кукольных домиков.

Настя выпустила своего маленького непоседу во двор, а сама немного задержалась, чтобы привести себя в порядок перед зеркалом. А выйдя, увидела любимого отпрыска с огромной дырой на новых штанах, купленных специально для походов в поликлинику.

— Лёшка! — всплеснула руками женщина. — Я же просила тебя никуда не лезть! Разве сложно было постоять спокойно пять минут?

Настя схватила сына за руку и потащила домой переодеваться. Натянув на егозу повседневные детсадовские штаны, она заторопилась к выходу. Время уже поджимало, такими темпами они вполне могли опоздать в поликлинику.

Пока дождутся трамвая, пока проедут четыре остановки, пока дойдут от остановки до поликлиники, пройдёт много времени.

***

Выскочив за ворота, Анастасия увидела подходящий к остановке трамвай под номером один, который как раз шёл на Большакова, к детской поликлинике. Женщина подхватила сына на руки и побежала через дорогу, к трамвайной остановке.

Практически сразу по ушам ударил визг тормозов. Буквально в шаге от Насти затормозило такси. Таксист выскочил из машины и начал орать:

— Что же ты делаешь, дура?! Себя не жалко, так мальчонку бы пожалела! А если бы я не успел затормозить?! Твой муж потом пришёл бы ко мне на разборки? Да?!

— Нет у меня мужа! — заплакала Настя. Ноги у неё дрожали, голова кружилась, казалось, вот-вот — и она хлопнется в обморок. От растекания в лужицу Анастасию удерживал только сын, которого она держала на руках.

— Давайте-ка, садитесь в машину! — почти успокоившийся таксист взял Настю за локоть и повёл к «Волге», украшенной «шашечками». — Куда вас отвезти? Решайте быстрей, а то вон толпа собирается.

Вокруг них и правда стал собираться любопытный народ.

— Нет-нет! — Анастасия отчаянно замотала головой, испугавшись, что поездка сожрёт их и так скудный бюджет. — У меня нет денег на такси!

— Не надо мне ваших денег! — вспыхнул таксист. — Так куда ехать?

— В поликлинику! — вмешался в спор взрослых Алёшка.

— В поликлинику?! — переспросил таксист. — На Большакова, что ли?

— Да! — всхлипнула Настя.

***

Таксиста звали Сергеем Фроловым. В такси он работал всего год. Бывший инженер Фролов быстро освоил новую профессию и уже вполне уверенно крутил «баранку». А ведь после окончания института Сергей попал по распределению в проектный институт, где и продолжал бы трудиться до сих пор, если бы не жизненные обстоятельства.

Сначала от него ушла жена, упрекнув в бездетности. Жили они с родителями Сергея в двухкомнатной квартире в центре Уралмаша. В течение трёх лет брака она так и не смогла забеременеть, хотя они старательно работали над этим вопросом. А сходив на сторону, сразу «залетела» и упорхнула к своему «быку-производителю». А Сергей остался жить с родителями.

Потом развелась с мужем-алкоголиком младшая сестрёнка Сергея и тоже пришла жить к родителям под крылышко, приведя с собой двух малолетних отпрысков. Сергею пришлось перебраться в кухню на раскладушку. Но долго так жить было нельзя, и он наскрёб денег на первый взнос для кооперативной квартиры и ушёл работать в такси. Ибо в проектном институте платили не просто мало, а очень мало!

***

Всю дорогу, пока мать успокаивалась и возилась с платком и зеркалом, приводя себя в порядок, Лёшка с удовольствием глазел в окно. Он ещё никогда не катался в машине. Они с мамой иногда ездили в трамвае, но это совсем не то. В машине были мягкие сиденья, на которые можно было даже лечь. А в переднее окно было видно всю дорогу, это было так здорово! Лёшка всю поездку представлял себя за рулём автомобиля.

Когда они с мамой вышли из машины, мальчик всю дорогу до крыльца поликлиники оглядывался на стоящий у тротуара автомобиль.

Когда эта женщина бросилась под машину, Сергей жутко рассердился: «Курица безмозглая!» Потом испугался — он же мог лишить жизни и эту хрупкую взъерошенную женщину, и этого смешного пацана. Хотя его вины в этом почти случившемся дорожном происшествии и не было, что-то внутри всё равно его царапало. Какое-то иррациональное чувство вины. Хотелось искупить свою, пусть и надуманную, вину, помочь этой женщине и что-то сделать хорошее для мальчишки.

Сергей решил дождаться эту парочку и отвезти домой. Потому что только тогда он будет уверен, что они добрались домой без происшествий.

Сначала он пытался объяснить себе своё решение простой ответственностью: всё-таки едва не случилась беда. Но чем дольше сидел в машине, наблюдая за дверями поликлиники, тем яснее понимал, что дело не только в испуге. Женщина понравилась ему своей неожиданной беззащитностью, а мальчишка — доверчивой готовностью считать почти незнакомого водителя хорошим человеком. Сергей давно отвык от такой простой, бесхитростной радости.

***

В коридорах поликлиники было людно. Настя с трудом пробралась через толпу к кабинету своего врача и заняла очередь. Возле дверей четырёх кабинетов, выходивших в это фойе,

сновало десятка два одновозрастных ребятишек, как всегда в прививочный день. Сын сразу вклинился в толпу детей и увлёкся общением.

Пока очередь медленно продвигалась, Настя успела пересчитать плитки на противоположной стене, дважды проверить направление врача и поправить сыну воротничок. Лёшка тем временем завёл знакомство с другим мальчуганом и уже распоряжался игрушками так уверенно, словно они вместе играли целое лето. От одинакового смеха двух детей мать невольно подняла голову.

Настя обратила внимание на мальчика, с которым Лёшка катал машинки по пеленальному столику. Мальчик был до жути похож на её сына. Если бы мальчишку подстричь так же, как Лёшку, почти под ноль, то их, наверное, было бы не отличить. Это было так странно!

— Алексей! — позвала мальчишку женщина, которая тоже не сводила с детей глаз.

Оба мальчика одновременно каким-то неуловимым одинаковым движением повернули головы. Сын Насти опять обратил своё внимание на игрушку, а похожий на Лёшку мальчишка подбежал к женщине.

Женщина взяла мальчишку за руку и повела на выход. Настя пожала плечами: как-то всё непонятно — вроде стояли в очереди на приём и ушли. Да ещё это удивительное сходство мальчишек! Если бы эта женщина не ушла, Настя, наверное, решилась бы завести с ней разговор, не каждый день встречаешь двойника собственного сына!

Некоторое время она ещё поглядывала на пустующее место возле стены, где только что стояла незнакомка. Внутри шевельнулось непонятное беспокойство, но Лёшка уже звал маму, требуя показать новую машинку, а из кабинета наконец пригласили следующего ребёнка. Настя решила, что при следующей случайной встрече непременно расспросит женщину. Она не знала, что следующей встречи придётся ждать долгие годы.

***

Получив укол в попу, Лёшка хныкал и одновременно пытался развести маму на мороженое. Тут он заметил стоящую на прежнем месте красивую машину, на которой они приехали в поликлинику.

— Мам! Ню, мам! — мальчик дёрнул женщину за руку. — Смотли, нас дядя здет.

— Какой дядя? — удивилась Настя.

— Это я вас жду! — к ним подошёл давнишний таксист. — Пойдёмте, я вас домой отвезу.

— Да вы что? Зачем? — опешила Анастасия. — Мы сами доберёмся. Тем более я сыну обещала мороженое по дороге купить.

— Поехаии! Не хосю моезеное! — Лёшка потянул мать к машине и первым залез в открытую дверь.

Настя вздохнула и села рядом с сыном. Времени на споры с упрямым ребёнком у неё не было. Они и так долго задержались у врача. Ещё немного — и ей придётся в очередной раз выслушивать ворчание заведующей детсадом.

Таксист по дороге остановился возле киоска с мороженым, выскочил из автомобиля, купил два пломбира и бегом вернулся к машине.

— Меня Сергей зовут! — мужчина вручил мороженое Лёшке с Настей.

— Анастасия! — представилась женщина, подумав: «Надо же — Сергей!»

Глава 3. Давай уедем!

Урал. Свердловск. Лето. Июнь

У Татьяны Матвеевой всю дорогу от поликлиники до дома тряслись руки, а сама она шла словно в тумане. Хорошо, что их дом был недалеко, всего через пару кварталов. А то если бы ей пришлось ехать на транспорте, то в таком полувменяемом состоянии она вполне могла бы уехать в другую сторону. Женщина торопливо шла, крепко держа сына за руку, пропуская мимо ушей детский лепет, а мысли её в это время водили свой собственный хоровод.

Мальчик в поликлинике был слишком похож на её сына. И та женщина, видимо мать этого мальчика, тоже обратила на это внимание. Только женщина сидела дальше, а вот Таня была рядом с играющими мальчиками, и ей было хорошо их видно. Не бывает таких похожих людей, если только они не близнецы!

Это что же получается — у её Алёшки есть брат-близнец? А если её сын вовсе не отказник?! А если… нет, об этом думать было страшно!

Она очень испугалась, что всё откроется. Что будет, если все узнают, что её Алёшенька вовсе не её сын.

Поэтому Татьяна не стала дожидаться приёма педиатра, позвала сына и кинулась на выход, изо всех сил стараясь не бежать. Хотя в её голове пульсировало: «Быстрей, быстрей!» Как будто включилась какая-то программа, основанная на животных инстинктах. Подсознание велело: «Беги и прячься!»

Алёшка захныкал — устали ножки. Таня подхватила сына на руки и пошла ещё быстрей, а переходя дорогу, даже не посмотрела по сторонам. Где-то рядом взвизгнули тормоза, женщина ещё прибавила шагу, а потом и вовсе побежала.

Татьяна остановилась только у подъезда своей пятиэтажки. Потом, задыхаясь после бега, поднялась на второй этаж, открыла дверь квартиры, поставила сына на пол, машинально закрыла дверь, привалилась к косяку и стекла по стенке вниз. Ноги её совсем не держали!

Алёшка удивлённо посмотрел на мать, принёс ей из комнаты игрушечный грузовик и предложил покатать машинку вместе. Татьяна попыталась улыбнуться, но улыбка получилась жалкой. Она обняла сына, уткнулась лицом ему в макушку и наконец позволила себе заплакать. Малыш погладил её по щеке и спросил, не заболела ли мама. Татьяна покачала головой. Объяснить ребёнку, что его лицо вдруг стало для неё одновременно самым дорогим и самым страшным напоминанием, она, конечно, не могла.

***

Потом она кормила сына и думала, потом готовила ужин и опять думала, потом ждала мужа и снова думала. За этот день она много чего передумала и наконец нашла выход из создавшейся проблемы.

Муж пришёл с работы, уставший и как всегда пропахший мазутом. Поцеловал подбежавшего сына, взъерошил ему волосы и пообещал после ужина обязательно посмотреть на построенный из кубиков домик. Потом разделся и залез в ванну. Пока муж мылся, Таня решала, с чего начать разговор.

Татьяна поставила перед Олегом тарелку с жареной картошкой, другую — с тоненько порезанным салом и солёными огурцами — и достала из хлебницы чёрный ноздреватый хлеб.

— Танюш! — улыбнулся Олег. — К такому ужину рюмочка просится. Нальёшь? Устал очень.

— Хорошо! — Татьяна достала из холодильника запотевшую чекушку. — Но только одну. Ты мне обещал.

Всем был хорош Татьянин муж, но слаб насчёт выпивки. Муж быстрым движением опрокинул в рот содержимое рюмки и захрустел огурцом:

— Хорошо!

За ужином Таня украдкой наблюдала за мужем. Олег был усталым, но довольным: на работе вроде бы наметились перемены, и он собирался поговорить с начальством. В обычный день она обязательно расспросила бы обо всём, но сегодня мысли всё время возвращались в поликлинику. Она уже знала, какую просьбу произнесёт вслух, и мучительно боялась, что муж начнёт задавать вопросы о внезапном желании уехать.

Когда Олег почти управился с ужином, Таня села за стол напротив него и, потеребив кусочек хлеба, начала хорошо обдуманный разговор:

— Олежек, помнишь, ты раньше всё хотел на юг жить перебраться?

— Помню, конечно! — муж внимательно посмотрел на Татьяну.

— Так вот, — продолжила женщина, — я всё обдумала, а давай и правда махнём на юг! Там фрукты, море… представляешь, Лёшка булькаться в воде у берега будет, а мы с тобой рядом, на тёплом песочке лежать?!

Таня с ожиданием посмотрела на мужа.

— А ты знаешь, мне тут на работе как раз переезд предложили. — Олег отодвинул тарелки в сторону и взялся за чай. — В Анапе недавно железнодорожный вокзал построили, а ни одного мастера по ремонту подвижного состава нет. Если хочешь, можем поехать.

— Очень хочу! — обрадовалась Татьяна и бросилась целовать мужа.

— Тише ты! Чуть чай не расплескал! — улыбнулся Олег в усы.

***

Жена ушла укладывать сына спать, а Олег сидел на кухне, курил в открытое окно и думал.

Это хорошая мысль — уехать! Тогда, может быть, мать с сестрой наконец отстанут от него. И не будут больше надоедать своим бесконечным нытьём: «Это не твой ребёнок! Он на нас совсем не похож! Глаза разуй! Твоя Танька — дрянь! Нагуляла оглоеда!»

Не могла Танюшка так с ним поступить, она не такая! А что ребёнок светленький, не в их породу, так Татьяна тоже не брюнетка.

И вообще, как невзлюбили они сразу его Танюху, так все эти годы ему нервы и портят. То слишком умная, всё время книжки читает! Лучше бы сшила чего или связала. То необщительная, молчит всё время! То — хозяйка плохая! Квартира не по их правилам прибрана. А теперь вот ещё и гулящей выставляют! Нет, житья они им точно не дадут. И так всё время: то с одной женщиной пытаются познакомить, то с другой. Замену Татьяне ищут. А ему не нужна другая! Нет, семью надо спасать от дурных баб!

Олег решил, что завтра же подойдёт к начальнику смены и напишет согласие на перевод.

Он даже подумал, что жена удивительно вовремя заговорила об отъезде. Для него переезд означал работу, море и возможность наконец оставить за спиной бесконечные семейные упрёки. Он не мог представить, что Татьяна вкладывала в слово «уехать» совсем другой смысл: спрятать от чужих глаз сына и тайну, о которой не решалась сказать даже самому близкому человеку.

***

Ночью Татьяне долго не спалось. Взбудораженная предстоящими переменами, она металась между мыслями: как хорошо, что они уедут отсюда подальше, и она сможет больше не бояться разоблачения. И в то же время — а как же она оставит тут маму, брата, подружек, родные и любимые места? Но зато она сможет больше не встречаться со свекровью и золовкой на обязательных мероприятиях, типа дней рождения. А то они всегда в глаза улыбаются, а стоит только отвернуться, начинают шипеть, как две змеи. И Алёшку они не любят, никогда не приголубят, не обнимут! Нет, надо уезжать! Это очень правильное решение!

Она вертелась на кровати, как пропеллер, пока муж не опустил на неё руку и не скомандовал:

— Всё хорошо! Спи!

Татьяна решила, что всё-таки хорошо, что они уедут, и, успокоенная, уснула. Олег притянул жену к себе и вздохнул: «Пусть у них всё получится!»

Глава 4. А если?

Урал. Свердловск. Лето. Июнь

Сергей всю ночь не находил себе места. Слишком уж запала ему в душу хрупкая, взъерошенная, как воробушек, женщина, которую он вчера едва не сбил машиной. И даже когда удавалось ненадолго заснуть, ему снилась её смущённая улыбка.

В памяти всё время всплывала дорога к поликлинике: испуганный голос Насти, мальчишка с широко раскрытыми глазами, робкое «спасибо», произнесённое уже возле дома. Сергей и сам над собой посмеивался. Ещё вчера он был вполне разумным взрослым мужчиной, которого интересовали прежде всего работа, новая квартира и возможность наконец высыпаться не на кухонной раскладушке. А теперь ловил себя на том, что всё это отступило перед желанием увидеть женщину, о которой он почти ничего не знал.

Утром, даже не позавтракав, Сергей запрыгнул в машину и помчал на другой конец города, боясь не успеть встретить Настю до начала рабочего дня. Ему очень надо было её увидеть, чтобы понять, что за странное наваждение накрыло его с головой. В свои двадцать семь лет он чувствовал себя семнадцатилетним мальчишкой, первый раз спешившим на свидание.

***

Утро Анастасии началось с Лёшкиного нытья:

— Не хосю в садик!

— Надо, сынок! — уговаривала Настя, натягивая на капризулю белые носочки. Сегодня детский садик должен был посетить фотограф, поэтому дети должны были прийти нарядными.

Когда они уже были готовы к выходу из дома, сын завёл новую песню:

— Кушать хосю!

Настя сунула Лёшке кусок хлеба:

— На! Пошли быстрей, а то я опоздаю.

— Дай песенье! — продолжал капризничать сын.

— Нет печенья! — вздохнула Настя. — Если сегодня мне дадут денежки, вечером зайдём в магазин и купим. Хорошо?

— Хоосе! — согласился Лёшка.

Печенье приходилось покупать килограммовыми коробками. Лёшка отказывался идти в сад, пока не дашь ему пару печенек.

***

Настя с сыном выскочила за калитку и неожиданно столкнулась с Сергеем.

— Опаздываете опять? — спросил вчерашний таксист.

— Немножко! — ответила Настя, смутившись.

— Садитесь, я подвезу! — Сергей кивнул в сторону припаркованного у дома автомобиля.

— Не надо! — отказалась Настя. — Садик рядом, квартал всего.

— А вас можно потом на работу подбросить? — с надеждой спросил Сергей.

— А я в садике работаю! — засмеялась Настя.

— А может, тогда сходим куда-нибудь вечером вместе? — не отставал мужчина.

— Я поздно с работы прихожу, а Алёша рано спать ложится, — огорчилась женщина. — Так что вечером погулять у нас не получится.

— Жаль! — поникшим голосом отозвался Сергей.

— В субботу в Дендрарий можно погулять сходить! — предложила Анастасия, но тут же решила внести ясность. — Только вместе с Лёшкой, а то мне его оставить не с кем.

— С Лёшкой, так с Лёшкой! — обрадовался Сергей. — Я к десяти подъеду. Не рано?

— В самый раз! — согласилась Настя.

— Номально! — вставил своё веское слово Лёшка.

***

Анастасия ждала субботу с какой-то нервной дрожью в груди. Стоило подумать о выходных, и сердце начинало то мелко дребезжать, то бухать колоколом. Лёшка тоже ждал с нетерпением субботней прогулки. Всё время спрашивал: «А когда уже наступит суббота? А мы точно пойдём гулять? А дядя Сергей приедет?»

Чем ближе был выходной, тем сильнее становилось волнение.

Настя очень сильно переживала, что Сергей не приедет. Забудет или передумает, всяко ведь может быть. Она-то переживёт, а вот как она будет успокаивать сына? Большой вопрос!

Вечером в пятницу Анастасия выгладила себе нарядное платье, белое в мелкий голубой цветочек, а Алёшке — яркую клетчатую рубашку. Достала с антресолей босоножки на высоком каблуке. Они были давно убраны туда за ненадобностью и вроде бы надёжно позабыты. Почему-то остро захотелось нравиться. Она давно не испытывала этого чувства, радостного ожидания, счастливого возбуждения. Она так когда-то давно собиралась на первое свидание к Алёшкиному отцу.

Вспомнила погибшего мужа и мысленно попросила у него прощения. Ей очень хотелось быть счастливой.

Настя долго держала платье перед собой, не решаясь убрать его в шкаф. Она не собиралась забывать первого Сергея и вовсе не хотела, чтобы Лёшка однажды перестал спрашивать о настоящем отце. Но разве память должна была означать одиночество на всю оставшуюся жизнь? Ответа не находилось. Она лишь аккуратно повесила платье на спинку стула и впервые за долгое время разрешила себе ждать завтрашнего дня с радостью.

***

Сергей всё время думал о Насте. Его тянуло к этой женщине, хотелось обнять, укрыть от неприятностей. Так и подмывало поехать к ней, посмотреть в глаза, узнать, что всё хорошо, и улыбнуться в ответ на её улыбку. Но он одёргивал себя и ждал субботы.

А ещё её пацан, такой смешной паренёк. Интересно, где его отец? Явно же они живут только вдвоём, в разговоре ни разу не промелькнуло упоминание папы или мужа. Да и погулять с ним Анастасия точно бы не согласилась, если бы была замужем. Хотя она, кажется, при их первой встрече, едва не закончившейся бедой, говорила, что мужа нет.

В пятницу вечером Сергей заранее приготовил себе рубашку, нагладил стрелочки на выходных брюках. А потом всё оставшееся время надувал заранее купленные воздушные шарики.

***

В субботу Сергей вышел из дома пораньше, заехал на центральный рынок за цветами, купил букет бордовых пионов и в половину десятого уже был у Настиного дома. Припарковавшись, Сергей вышел из машины и посмотрел на дом, гадая, какие из пяти окон, выходящих на улицу, Настины.

В крайнем окне появилась любопытная Лёшкина физиономия. Мальчишка вскарабкался на подоконник и закричал в открытую форточку:

— Пивеет!

Сергей помахал мальчишке, достал из машины шарики и цветы и пошёл к дому. Войдя в калитку, увидел выскочившего на крыльцо Алёшку.

— Мама казала подоздать, она сколо! — выкрикнул Лёшка и уставился на шарики.

— Держи, это тебе! — Сергей протянул шарики мальчишке.

Алёшка протянул маленькую ручонку и осторожно взялся за нитки:

— Каасивые! А если опусить, они улетят?

— Улетят! — ответил Сергей, улыбаясь. Невозможно было смотреть на этого пацана и не улыбаться.

Хлопнула дверь, на крыльцо вышла Анастасия. Стройную фигурку в лёгком белом платье освещало солнце, делая ещё более воздушной.

***

Субботним утром Настю разбудил сын:

— Мама, ставай!

— Ты чего так рано проснулся, неугомонный? — женщина притянула к себе сына и поцеловала в щеку.

— Подём гулять! — заныл Лёшка, вырываясь из объятий.

Вот ведь репей, как привяжется, не отцепишь!

— Вот Сергей приедет, и пойдём, — женщина потянулась и встала. Всё равно уже поспать не получится.

Настя разогрела и скормила сыну сваренную с вечера кашу. Сама выпила только чай и начала собираться.

Сначала она одела Алёшку, и тот, придвинув стул, сел у окна ждать Сергея. И только Настя успела натянуть на себя платье, как раздался крик сына:

— Дядя Сеегей плиехал!

Лёшка забрался на подоконник с ногами и закричал в форточку:

— Пиивет!

Потом, резко соскочив на пол, сын метеором понёсся к дверям.

— Стой! — Настя успела остановить егозу, схватив за руку. И пока надевала на сына сандалии, втолковывала:

— Скажи Сергею, пусть немного подождёт, я скоро!

— Холосо! — кивнул сын и выскочил на крыльцо.

Настя провела расчёской по волосам, посмотрела в зеркало, нанесла на губы помаду и улыбнулась. Как здорово снова почувствовать себя женщиной! Потом застегнула ремешки на босоножках и прошлась по комнате. Да уж, как корова на льду. Надо же, как она за это время отвыкла от каблуков!

Настя взяла сумочку и вышла за дверь.

***

— Здравствуйте, Сергей! — произнесла женщина, спускаясь с крыльца. — Заждались?!

— Здравствуйте, Настя! — Сергей протянул Анастасии букет пионов. — Это вам! Я пока ещё не знаю, какие вы любите цветы, поэтому взял те, которые люблю сам!

— Спасибо! — Настя спрятала лицо в цветы и прошептала: — Мои любимые…

Горло женщины сжал спазм, на глаза навернулись слёзы. Как давно не дарили ей цветов!

— Я пойду, поставлю цветы в воду! — Настя метнулась в дом.

Дома аккуратно вытерла слёзы, достала вазу, набрала воды и опустила букет в вазу. Ещё раз вдохнула сладкий запах пионов и, счастливая, поспешила на улицу.

Глава 5. Может быть…

Урал. Свердловск. Лето. Июнь

Хорошо, что Дендрарий был рядом, иначе Настя бы до него не доковыляла. Как же она отвыкла от каблуков! Надо было надеть сандалии и не мучиться. Хотелось быть красивой, вот и докрасовалась! Вместо того чтобы получать удовольствие от прогулки и общения, приходится контролировать каждый шаг и втихомолку морщиться.

Пока она спускалась по широким ступеням, ведущим в парк, Сергей с неугомонным Лёшкой уже успели добежать до фонтана. Фонтан в виде каменной чаши так сильно разбрызгивал воду, что те, кто подходил поближе, оказывались вымокшими. Анастасия села на ближайшую скамеечку и вытянула ноги, пытаясь покрасивее их пристроить.

Лёшка с удовольствием носился вокруг фонтана под бьющими струями, только шарики, нитки от которых он зажал в кулаке, трепетали на ветру. Сергей расставлял руки, пытаясь поймать маленького проказника. Алёшка с визгом проносился мимо. Настя улыбалась, глядя на счастливого сына.

Сергей будто тоже получал от этого действа удовольствие, хохотал и брызгал Лёшку водой. И тут сын поскользнулся и упал, выпустив шарики из раскрывшегося кулака. Какой тут поднялся рёв.

Пока Настя вставала со скамейки, Сергей подхватил Алёшку на руки и понёс к ней.

— Что? Где болит?! — испуганно спросила Настя, пытаясь осмотреть сына со всех сторон.

— Ни-и-и-сего! — рыдал Алёшка.

Сергей посадил мальчишку на скамейку. Анастасия села рядом и прижала сына к себе:

— Что же ты плачешь, родненький?!

***

Женщина уже сама чуть не плакала. Сергей стоял рядом и чувствовал себя виноватым.

— Ша-а-аики-и улетели! — рыдал пацан, размазывая слёзы грязными руками.

Настя достала носовой платок и начала утирать слёзы с Лёшкиного лица:

— Не плачь, солнышко! Мы с тобой потом другие шарики купим.

— Я сейсяс-с хосю-ю! — продолжал рыдать ребёнок.

Настя растерянно посмотрела на Сергея. Сергей улыбнулся Насте и присел на корточки перед Алёшкой.

— Ты мужчина? — спросил Сергей, заглянув мальчишке в глаза.

Алёшка кивнул и на время прекратил рыдать, но отчётливо сопел носом, предупреждая, что если что, то он опять пустит в ход слезы.

— Ну, во-первых, мужчины так себя не ведут, — продолжил Сергей, — посмотри на маму, как она расстроилась.

Мальчишка насуплено, исподлобья смотрел на собеседника и молчал.

— Ты должен маму беречь! А во-вторых, у входа продают мои самые любимые шарики. Только они не воздушные. Пойдём? — Сергей протянул Алёшке ладонь.

Мальчик взял мужчину за руку и спрыгнул со скамейки. Сергей подал руку Анастасии, и они медленно пошли к выходу.

***

Перед старушкой, торгующей у входа, лежало десятка два разноцветных шариков. Их делали из опилок, которые сначала насыпали на плотную бумагу и придавали ей форму шара. Потом тоненькими резинками крепили вокруг этого колобка разноцветную фольгу, которую чаще всего брали из конфетных фантиков, и обматывали всё это великолепие прочными нитками, к которым потом крепили толстую резинку.

И если за эту резинку дёрнуть, то шарик начинал прыгать, сверкая разноцветными боками.

Сергей с детства помнил запах этих шаров. Они пахли лесом, конфетами и мечтами. Сергей купил три шарика и раздал всем по одному. И они всю дорогу до Настиного дома шли, подбрасывая на резинках чудесные шары.

Настя пригласила Сергея на обед, отнекиваться он не стал. Любопытно было посмотреть, как они живут, да и есть хотелось, если честно.

На обед был суп из щавеля и большой капустный пирог, испечённый Настей накануне вечером. Пирог был хорош, такой же, как у Сергея в детстве. Капустный пирог часто пекла бабушка.

Водопровода в доме не было, и Сергей, взяв вёдра, сходил за водой на колонку. Потом, пока Настя грела воду и мыла в тазике посуду, Сергей с Алёшкой играли в солдатики под бубнивший что-то чёрно-белый телевизор.

Потом они попили чаю, доев капустный пирог. Сергей немного рассказал про себя, узнал про раннее вдовство Насти, про то, что Лёшка никогда не видел своего отца.

Вечерело, уходить из уютного дома не хотелось. Алёшка уснул на диване, зажав в руке «шарик с мечтами». Настя тихонько раздела сына и перенесла в кроватку. Надо было и Сергею уже бы домой отправляться, но он ждал намёка от Насти. Остаться ему или уйти?

Сергей с Настей очень долго сидели, держась за руки и глядя в мерцающий экран телевизора. Никто из них не мог решиться на первый шаг. Потом Настя поднялась и молча расстелила кровать. Сергей так же молча остался.

Для Насти это решение оказалось гораздо труднее, чем могло показаться со стороны. Она не боялась Сергея, напротив, рядом с ним ей было удивительно спокойно. Но за стеной спал её сын, и она чувствовала ответственность за каждую перемену, которую впускала в их маленький дом. Сергей, словно угадав её тревогу, тихо спросил, уверена ли она. Настя кивнула. Впервые после гибели мужа ей хотелось думать не только о том, как пережить завтрашний день, но и о том, какой может стать их жизнь через год, через пять лет.

***

Утром Сергей проснулся оттого, что на нём прыгал Алёшка.

— А где мама? — спросил Сергей, ссаживая с себя расшалившегося мальчишку.

— За хеебом усла, — ответил мальчишка и побежал к скрипнувшей двери.

Вернувшаяся Настя выложила на стол купленный хлеб. Потом промыла рисовую крупу и быстро сварила кашу. Пока каша варилась, женщина вскипятила чайник и заварила чай, потом достала из холодильника сливочное масло и сыр. А потом пригласила мужчин к столу. Алёшка кашу есть не хотел, но, посмотрев на Сергея,, который с удовольствием ел и нахваливал приготовленный Настей завтрак, съел всю свою порцию.

А после завтрака Алёшка утянул Сергея во двор показывать штаб, который он помогал строить соседским детям.

Потом Сергей по подсказке Алёшки колол дрова и думал, что занимается бесполезным делом, так как для себя уже всё решил. И в его квартире дрова им не понадобятся.

Но он не спешил говорить об этом Насте. Ему хотелось сначала понять, согласится ли она на такие перемены и не испугается ли его решительности. А ещё он думал, как необыкновенно быстро чужой ребёнок стал для него своим. Лёшка деловито выбирал поленья, подавал их по одному и каждый раз требовал показать, как правильно держать топор. Сергей убрал мальчика подальше от колоды, пообещал когда-нибудь научить его всему, что умеет сам, и поймал себя на том, что уже мысленно включил маленького непоседу во все свои планы.

***

Настя сама не понимала, что на неё вчера нашло. Было жутко стыдно — она, наверное, распущенная женщина, если позволяет себе такое поведение? Оставить у себя на ночь малознакомого мужчину?!

Чтобы справиться со смущением, женщина побежала в магазин. Предварительно она наказала проснувшемуся сыну сидеть тихо и не мешать гостю спать. Домой вернулась только после того, как смогла побороть смущение.

Потом она накрывала на стол и поглядывала на Сергея. Мужчина, сидя на диване, читал её сыну книжку. Лёшка сидел, доверчиво привалившись к плечу Сергея. Насте хотелось оказаться на месте сына и тихонечко сидеть, прижавшись к мужскому плечу. С Сергеем ей было хорошо и спокойно. А ещё ночью с ним было жарко. Анастасия мотнула головой, отгоняя воспоминания прошедшей ночи. Но тут же поймала себя на мысли, что наверное хотела бы выйти за этого мужчину замуж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.